

«ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ ВСЕРОССИЙЗМА»:  
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ

А. Э. Котов

Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова,  
г. Санкт-Петербург

Поступила в редакцию 27 октября 2015 г.

**Аннотация:** М. Ф. Де-Пуле известен как второстепенный литературный критик. Его постепенное «поправление» советским литературоведением воспринималось как деградация и измена прежним либеральным идеалам. Защищая в начале 1860-х гг. славянофилов, он не видел в крестьянстве единственного идеала общественной жизни и высказывался в пользу «фабричного быта». В 1867 г. Де-Пуле вступил в более серьезную полемику со славянофилами в качестве редактора «Виленского вестника». Разделяя взгляды М. Н. Каткова на национальный вопрос, публицист отстаивал «мягкий» вариант русификации польского и еврейского населения Северо-Западного края посредством распространения русского языка, и в частности перевода на русский язык местного образования и католического богослужения. В 1870-е гг. Де-Пуле полемизировал на страницах «Русского вестника» с нигилизмом и украинофильством.

**Ключевые слова:** консерватизм, национализм, русификация, Де-Пуле, Катков, Польша, украинофильство.

**Abstract:** M. F. De-Poulet is known as a minor literary critic. His gradual «rightward» was considered by Soviet researchers as degradation and betrayal of his former liberal ideals. In the early 1860s. De-Poulet defended Slavophiles, but he had not seen the peasantry is the only ideal of public life and spoke in favor of «factory life.» In 1867, De-Poulet joined the more serious polemic with the Slavophiles as the editor of «Vilenskiy Vestnik». As Katkov's confederat on the national question, he insisted on a «soft» version of the Russification of the Polish and Jewish population of the Vilna region through the dissemination of the Russian language, and, in particular, the Russian translation of local education and Catholic worship. In 1870-ies. On the pages of Katkov's «Russkiy Vestnik» De-Poulet was struggling against nihilism and ukrainophilism.

**Key words:** conservatism, nationalism, russification, De-Poulet, Katkov, Poland, Ukrainophilism.

Михаил Федорович Де-Пуле (1822–1885) остался в истории русской словесности как воронежский просветитель, добросовестный литературный критик, автор ряда педагогических работ, биограф поэтов И. С. Никитина и А. В. Кольцова. Как политический публицист он был забыт практически сразу после смерти – Клио редко бывает снисходительна к добросовестным, стремящимся к объективности «примирителям». Советское литературоведение оставило нам такой портрет Де-Пуле: «тамбовский уроженец с редкой аристократической фамилией, литератор-неудачник, всю жизнь стремился поучать знаменитых писателей, но сам так и не поднялся выше уровня поверхностной провинциально-охранительной публицистики» [1, с. 97]. Однозначную оценку получила и идейная эволюция публициста от либерализма к «консерватизму», довольно стандартная для той поры и обыкновенно странным образом совпадавшая с взрослением эволюционировавшего: «Дальнейшая биография Де-Пуле – это история его окончательного духовного падения. Прежний либерал и “прогрессист” скатывается до

уровня примитивного ретрограда и политического фигляра... Закономерным финалом деградации Де-Пуле явилось его сотрудничество в катковском “Русском вестнике”. Здесь он и нашел бесславный конец, отдавший на поругание светлые идеалы своей юности» [там же, с. 106]. Более взвешенная характеристика была дана в 1979 г. М. Л. Семановой: «После юношеских (в 1840–1850-е гг.) вспышек либерализма и тяготения к Белинскому Де-Пуле старался в следующие десятилетия отстаивать свою независимость как от кружка Салиас и ее газеты, так и от “нигилистических” изданий, гордясь своим нежеланием “корчить из себя пророка”. После 1861 г. он все более эволюционировал в сторону “благонамеренности”, сам себя называл “эластичным консерватором”, не причастным к активной политической деятельности (“я человек кабинета и письменного стола”), но на деле по многим взглядам принадлежащий к М. М. Достоевскому и М. Н. Каткову, а не к “апостолам революции”, не к “красным” (т.е. не к Чернышевскому и Добролюбову). И при этом он был уверен в том, что не приемлет невежественных “горлопанов” из “Современника” с их “натура-

листическими” сочинениями именно как “воспитанник Белинского”» [2, с. 123]. Как же удавалось Михаилу Федоровичу совмещать верность Белинскому и Каткову?

Уроженец села Хренное Липецкого уезда Тамбовской губернии и выпускник воронежской губернской гимназии, Де-Пуле в 1848 г. окончил словесный факультет Харьковского университета. Затем вернулся в Воронеж и устроился преподавать историю и словесность в тамошний Михайловский кадетский корпус. На этом скромном месте Де-Пуле провел почти полтора десятилетия. В 1850 г. Михайловский корпус посетил наследник престола – будущий Александр II, которому молодой преподаватель поднес свою «Сравнительную грамматику». В качестве ответного дара Михаил Федорович получил золотые часы, что не могло не прибавить ему популярности в местном обществе. Впрочем, популярности этой способствовал в первую очередь преподавательский талант: «Де-Пуле с первого же раза поражал своими жестами, звучным, но мягким голосом и крайней восторженностью <...> Эта восторженность не могла быть подавлена даже суровыми порядками, царившими в корпусе до начала реформ» [3].

В 1850-е гг. Де-Пуле сходитя с местными литераторами – Н. И. Второвым и И. С. Никитиным, а также с почетным воронежским гражданином И. А. Придорогиным – «воплощенным работорцем автономных городских порядков». Вокруг Второва в это время формируется целый кружок местной интеллигенции, местом собрания которого стала холостяцкая квартира Де-Пуле. Располагалась она «в глухих переулках Попова рынка, куда в то время был доступ только в лучшие времена года. В ненастные же дни – весны, лета, осени и зимы – сообщение с этой местностью, особенно по вечерам, представляло крайние затруднения: мостовых в этом районе совсем не было; фонарного уличного освещения не существовало; биржевые извозчики положительно отсутствовали; а охранительная стража в лице ночных караульщиков существовала только на словах. <...> Поэтому посещать М. Ф. Де-Пуле зависело столько же от расположения духа, сколько и от атмосферических явлений» [там же]. Атмосферические же условия, царившие внутри второвского кружка, с ностальгией описывал в 1865 г. А. С. Суворин: «Ваши задушевные строки так полно, так живо напомнили мне прежний скромный наш кружок, наши немудреные желания, немудреные, но горячие речи, что я не мог воздержаться, чтобы не обозвать Вас милым и добрым» [2].

Кружок по преимуществу занимался организацией публичных литературных чтений, выпускал свой альманах – «Воронежскую беседу на 1861 г.». Кроме

того, со второй половины 1850-х гг. Де-Пуле публиковал материалы по местной истории, а также активно сотрудничал в столичных периодических изданиях, поставляя туда как корреспонденции о воронежской жизни, так и «литературоведческие» тексты. В этот период Де-Пуле – постоянный автор «Московских ведомостей», «Атеней», «Русского слова» и «Времени». В начале 1860-х он начнет публиковаться в акасовском «Дне».

В 1862–1863 гг. Де-Пуле приступил к редактированию «Воронежских губернских ведомостей». Неофициальная часть газеты наполнялась в основном местными известиями и этнографическими сведениями. Публиковал там редактор и предварительные материалы своих будущих работ о Кольцове и Никитине, собирал средства на сооружение надгробных памятников обоим литераторам. В феврале 1863 г. на волне вызванного польским восстанием национально-патриотического подъема «Ведомости» начинают сбор пожертвований в пользу семей погибших в Польше русских солдат. Проникали на страницы издания и отголоски общественно-политических дискуссий той поры. Так, «Ведомости» выступили в защиту славянофилов от нападок «Воронежского листка». Последнее издание заявляло, что «еще не совершенно извелась у нас особого рода дикая ересь, по уставам которой мужьям своих жен, а пуще дочерей, следует никуда не вывозить, никому не показывать и держать дома под замком или под надзором доверенной мегеры. Когда долгие проживешь у нас, то узнаешь, что принадлежащих к этой ереси называют славянофилами». На страницах газеты Де-Пуле сразу же появилась отповедь в адрес «безыменного прогрессиста и борзописца», написанная одним из членов кружка – И. И. Зиновьевым [4]. Впрочем, отношение самого Михаила Федоровича к славянофилам еще не вполне определилось. Так, в августе 1861 г. после двух недель пребывания в Козловском уезде он напишет Суворину: «Вы, кажется, упрекали меня в славянофильстве, но знаете ли? Прошлогодня моя поездка в столицы и теперешняя по увиденным городам и деревням с особенною силою воскресили во мне западничество. Что это такое наша жизнь? Что мы выработали? Царство тупоумия у нас, ей-богу, ужасно и всеобщее» [2, с. 140].

Но и ранее Михаил Федорович осторожно подвергал сомнению некоторые базовые «скрепы» славянофильской социальной концепции. Признавая, что «фабричный и промышленный быт» «кишит пороками» и гораздо «менее нравственен», чем крестьянский, Де-Пуле связывал эти пороки с переходным состоянием русской жизни вообще и быта рабочих в част-

ности: «...Он, как и все у нас, нуждается в образовании. Но мы спрашиваем наших моралистов: неужели при всем несовершенстве фабрично-промышленного быта он ровно ничего не имеет светлого и отрадного? Неужели в нем нет ничего такого, что бы вдохновило русского поэта, как вдохновляет и вдохновляло казачество, бурлачество и т.п. проявления русской жизни? Неужели эти проявления нашей жизни менее уродливы, чем так рьяно преследуемый всеми фабричный быт?» [5, с. 23–24].

В 1865 г. Де-Пуле перебрался в Вильно, где стал инспектором тамошней классической гимназии и сотрудником, а затем и редактором местного официоза – «Виленского вестника». Издание «Виленского вестника» в 1867 г., пожалуй, самая яркая страничка в его публицистической биографии. Позже Михаил Федорович вспоминал, что «прибыл в этот город в самом начале 1866 г., когда главное дело – усмирение мятежа и надел крестьян землей – было давно покончено; оставались частности, подробности; предстояла деятельность спокойная, культурная, умиротворяющая. Но вместо этого пришлось встретить вражду самую глгую, видеть явления диковинные!» [6, с. II].

Первым оппонентом новой редакции «Виленского вестника» стала, разумеется, «Весть», видевшая в начатой еще Муравьевым «народной» политике опасные демократические тенденции. Но свою уникальную нишу Де-Пуле нащупал, заговорив о теории и методологии проводившегося в Северо-Западном крае «обрусения». В 1867 г. газета, прежде строго следовавшая в фарватере «русского направления», начинает полемику с последним. Позиционируя себя в качестве «партизана» «Московских ведомостей», Де-Пуле по-прежнему настаивает на русификации еврейского и польского населения, но призывает проводить последнюю постепенно, ограничиваясь на первых порах распространением русского языка и образования. На страницах «Виленского вестника» публицист с восторгом цитировал только что напечатанную в «Киевлянине» статью М. В. Юзефовича «Народность и государство»: «Государству нужно не этнографическое, а политическое единство, условия которого у нас те же, что везде. Эти условия ограничиваются так называемую политическую национальностью, которая не имеет нужды проникать глубоко во внутренний состав человека и довольствуется для объединения связующим узлом имени, языка и органических законов. Какому племени не принадлежал бы подданный государства, он обязан подчиняться его законам, носить его имя, говорить в школе, в суде, в церкви, во всех общественных отправлениях, его языком и признавать себя сыном отечества, политическую национальностью представляемого. Поэтому

каждый русский подданный, без различия племен и вероисповеданий, не только вправе, но обязан считать себя и именоваться русским» [7].

Особенно активно газета защищала такой элемент катковской программы, как перевод католического богослужения на русский язык, что вызывало резкое неприятие славянофилов, видевших в католицизме главную угрозу «русским началам». На Де-Пуле обрушилась критика аксаковской «Москвы» и солидарного в то время с «русским направлением» «Голоса». Публициста обвиняли одновременно в «юдаизме» и «полонизме». Под влиянием направленных против него обличений публицист начинает даже симпатизировать прежнему своему оппоненту – защищавшей польских помещиков газете «Весть»: «“Весть” – орган крупных землевладельцев, аристократии, – крайнего, говорят, аристократизма. Признаемся, для нас лучше уж крайности аристократизма, чем семинаризма, особенно известного закала» [8].

Течение полемики, таким образом, уносило Де-Пуле все дальше от националистических берегов. В противовес столичным периодическим изданиям «русского направления» «Виленский вестник» позиционировал себя как защитника «тружеников от несправедливых нападков добросовестных, но не знающих подробностей дела органов печати и недобросовестных корреспондентов, которые обратились на них от разного рода служебных неудач, раздраженного самолюбия и иных нехороших побуждений, конечно, не известных в слишком далекой от нас Москве» [9].

В январе 1868 г. вышел последний номер «Виленского вестника» под редакцией Де-Пуле, а затем бывший редактор переехал в Петербург, на службу в Главное управление военно-учебных заведений. В 1870–1875 гг. он будет инспектором Полтавской военной гимназии, после чего выйдет в отставку в чине действительного статского советника и до конца жизни (1885 г.) посвятит себя литературному труду. Однако свое пребывание в Северо-Западном крае он вспоминал еще долго, а к волновавшим его тогда вопросам обращался и годы спустя – тем более что газетная полемика 1867 г. подтолкнула его как к более глубокому изучению польского вопроса, так и к определенной позиции.

Так, в выпущенном в 1871 г. историческом исследовании «Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг.» Де-Пуле сам признавался в «полемиическом отношении к недавнему прошлому, проходящем по всему настоящему труду». В этой работе автор мог позволить себе значительно более откровенно высказаться по польскому вопросу, чем на страницах «Виленского вестника»: «Не касаясь других сфер деятельности, довольно указать на...

целую школу пишущей братии, вклады которой в русскую литературу едва ли принесут ей много чести. Дикие идеи, дикие выходки против наших иноплеменников, живущих в крае, поляков и евреев, конечно, только смешны, тем более что приходилось ратоборствовать с ветряными мельницами, так как противники не издавали (да и не могли издать) ни единого звука. Но это направление, считаясь славянофильским и патриотическим, к несчастью, возымело такую силу в крае, что дошло до террора, до неумолимости преследования противников, – своих, русских, и чужих, иноплеменников, преследования, далеко не ограничивающегося одною областью печатного слова» [6, с. II–III].

Шанс решить польский вопрос, по мнению Де-Пуле, имелся в XVIII в.: «Русские времен Екатерины не могли враждебно относиться к полякам, потому что в ту пору еще не занимались химическим разложением национальных элементов и оценкою их доброкачественности» [там же, с. 54]. Не без сочувствия Де-Пуле отмечал, что «русские люди екатеринского времени были восторженные, строгие государственники; все делалось ими в интересах чисто государственных, более или менее внешних; личность, личное чувство, личный почин, несмотря на то, что для развития всего этого было немало сделано при Екатерине, были положительно недостаточны для нравственных завоеваний по западным, крепко культурным окраинам. Но зато, с другой стороны, фальшивое сентиментальное отношение к народностям и верованиям, толки об их доброкачественности и негодности были недоступны русскому человеку конца XVIII столетия. Идеи народности вообще (этнографический романтизм тем более) были непонятны» [там же, с. 118]. Равно польскому и великорусскому «этнографическому романтизму» Де-Пуле противопоставлял «великую идею *всероссийзма*» [там же, с. 214].

Именно с ее позиций успевший послужить в Полтаве публицист и обратился к другому «проклятому русскому вопросу» тех лет – украинскому. Критике «украинофильства» в этот период было посвящено немало катковских передовиц. Появлялись на страницах «Русского вестника» антиукраинские статьи и других авторов. Однако лишь Де-Пуле, в свою бытность студентом Харьковского университета наблюдавший деятельность тамошнего украинофильского кружка, попытался проанализировать историю украинского движения. Разумеется, его отношение к «украинству» было критическим. Однако в отличие от Каткова публицист делал акцент не на конспирологических поисках, но на выявлении последствий и причин украинофильства. Считая вслед

за Катковым украинский язык одним из множества простонародных русских диалектов, Де-Пуле расценивал его преподавание в школах (напомним, именно это было главным требованием первых украинофилов) как антидемократическую меру, изолирующую малороссийское простонародье от социального прогресса [10, с. 230–231]. У истоков «украинства», по мнению Де-Пуле, стояла не «польская интрига». Украинофильство было закономерной болезнью роста. Перенасыщенность русской литературы талантами вела к тому, что второстепенные литераторы искали альтернативное поле для самореализации: «Когда завершилось создание общего русского литературного языка, когда в этом направлении дела стало меньше, а результаты трудов стали обещать блестящие успехи только для крупных дарований, тогда начало появляться в разных местах украинофильство, писательство на малороссийском языке, положившее начало его литературной обработке» [там же, с. 216].

Со второй половины 1870-х гг. вернувшийся в Тамбов Де-Пуле публикуется по преимуществу в катковских изданиях. Поводов для полемики со славянофилами ему более не представлялось. По понятным причинам главным объектом критики катковского направления в это время стали революционные демократы. Наиболее ярко свое отношение к ним Де-Пуле сформулировал в очерке, посвященном памяти Н. А. Некрасова. Внутреннюю трагедию Некрасова публицист видел в том, что поэт и сам осознавал «односторонность и болезненность» своего творчества, понимал, что вражда и злоба еще не составляют содержания лирической поэзии, всей ее сущности» [11, с. 331]. Патологическая односторонность творчества Некрасова проявлялась, в частности, в том, что поэта интересовали лишь отрицательные стороны крестьянского быта: «Можно подумать, что при создании своей поэмы Некрасов имел в виду не столько юмористическое решение вопроса о крестьянском счастье, сколько реальное изображение порки и сечения в разных видах. У него есть даже гимн Плетей, который терпигоревские крестьяне поют хором с Матреною!.. Что это такое, спрашиваем, как не галлюцинация больного воображения, как не карикатурная работа одряхлевшей кисти? Некрасов умер в 57 лет, но он мог прожить 67 и писать до 1888 года. Неужели и тогда громадная его поэма, если бы он десятью годами написал ее позже, не была тоже карикатурой?»

Сочетание платонической любви к народу с отрицательным отношением к народной жизни было связано у Некрасова с незнанием последней: «Некрасов не знал России, не знал и русского народа. <...> Весь век проживя в Петербурге и тридцать лет усерд-

но занимаясь журнальной работой, приковывающей человека к одному месту и поглощающей все его время, Некрасов не имел возможности, не говорим, изучить, а просто побывать в разных местностях России» [там же, с. 344]. Наконец, его талант «преждевременно одряхлел» «под давлением всяких *практических и полезных* идей, под давлением публициста задним числом, плохо сознающего, к чему он стремится, чего он хочет? Таким публицистом является Некрасов в позднейших своих стихотворениях. <...> Когда в деятельность крупного поэтического таланта вторгается весьма незрелый публицист, тогда и литература приобретает только посредственные, малостоящие произведения, какими в изобилии дарил нас позднейший Некрасов» [там же, с. 346]. Но главную вину поэта Де-Пуле видел даже не в падении качества поэтической продукции, а в том, что у Некрасова даже под конец жизни «не достало мужества» осудить революционный террор, «отречься от них громко, как это сделал Герцен». Как следствие, «разные “нечаевцы”, “долгушинцы”, все эти герои последних социальных смут вправду будут позорить его память» [там же, с. 342].

Проблеме нигилизма Де-Пуле посвятил большую статью в «Русском вестнике», переизданную отдельной брошюрой. Михаил Федорович искал причины нигилизма в сфере культуры: «Наш нигилизм – язва социальная, подобно западно-европейской социальной демократии; но он отличается от последней тем, что вытекает не из экономических причин, а из культурных. <...> У нас гниет не экономический строй нашей жизни, вообще крепкий и здоровый; у нас яд гниения вносится в самую культуру нашу, едва насчитывающую полтора десятка лет своего существования» [12, с. 27]. Нигилизм, в его представлении, «осадок и отложения органической порчи прежней жизни»: «Русский либерал, сам того не подозревая, в душе остается озлобленным крепостником, который, будучи затронут, в отместку не остановится ни перед какими ломками и предастся либерализму уже без всякого удержу» [там же, с. 38].

М. Ф. Де-Пуле был далеко не первым, кто связывал нигилизм с крепостничеством. До него это делал одесский профессор П. П. Цитович, на чью скандальную брошюру «Что делали в романе “Что делать?”» Михаил Федорович ссылался на первых страницах своего текста, избегая, разумеется, тех грубых выражений, что так повышали «индекс цитируемости» Цитовича в либеральной прессе. Довольно стандартны для консерваторов (и актуальны во все времена) обвинения Де-Пуле в адрес либеральных веяний в педагогике: «повсюднее распространение педагоги-

ческой простаковщины, основанной на жертвоприношениях мамоне, требование сладости не плодов, а корней учения, каковое должно состоять в игривой легкости как порхание бабочек, ожесточенная, ярая вражда к классическому и вообще идеальному образованию – непрекращаемое возбуждение молодежи, извращение ее понятий, лезть пред нею» [там же, с. 44]. Как следствие, «явился детский деспотизм вместо родительского. Явился ученический деспотизм в разных видах, мало известный публике и часто скрываемый оторопевшими или трусливыми педагогами, за которыми и без того неотступно гонялись реальная и педагогическая журналистика. Явился деспотизм студенческий по поводу экзаменов, стипендий, из-за желания жить на чужой счет. <...> Глубокое падение наших университетов у всех перед глазами и не нуждается в фактах» [там же, с. 50].

Брошюра Де-Пуле была частью давней и последовательной «информационной кампании», которую катковские издания вели в пользу будущей университетской «контрреформы» 1884 г. Однако и последняя была не самоцелью, но лишь одним из инструментов той борьбы с «пропагандой бестиации» [там же, с. 52], которую Михаил Федорович фактически вел во всех своих публицистических текстах – усматривая ее элементы и в нигилизме, и в политическом «украинофильстве», и в крайних проявлениях славянофильского демократизма. Человек, несомненно, тонкий и глубокий, Де-Пуле не был самостоятельным мыслителем и фактически озвучивал в своей публицистике чуть смягченную версию катковского «бюрократического национализма». Будучи по личным вкусам и предпочтениям скорее умеренным либералом (по собственному выражению, «эластическим консерватором»), он не отделял русского чиновничества от интеллигенции и видел в этом чиновничестве главную цивилизующую силу России.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В. И. Взлет и падение Де-Пуле / В. И. Кузнецов // «Я Руси сын!..» К 150-летию со дня рождения И. С. Никитина. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издание, 1974. – С. 97–107.
2. Суворин А. С. Письма к М. Ф. Де-Пуле. Публикация М. Л. Семановой / А. С. Суворин // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. – Л. : Наука, 1979. – С. 118–188.
3. Веселовский Г. И. Воронежский корпус 20 лет назад (воспоминания старого кадета) / Г. И. Веселовский // Дон. – 1892. – № 126. – 12 нояб.
4. Воронежские губернские ведомости. – 1863. – № 1. – 5 янв.

5. Де-Пуле М. Ф. Повести и рассказы Д. Григоровича / М. Ф. Де-Пуле // Русское слово. – 1860. – № 3. – С. 1–36.

6. Де-Пуле М. Ф. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. / М. Ф. Де-Пуле. – СПб. : Типография Майкова, 1871. – 255 с.

7. Виленский вестник. – 1867. – № 134. – 18 нояб.

8. Виленский вестник. – 1867. – № 110. – 21 сент.

9. Виленский вестник. – 1867. – № 119. – 14 окт.

10. Де-Пуле М. Ф. К истории украинофильства / М. Ф. Де-Пуле // Русский вестник. – 1881. – № 4. – С. 214–241.

11. Де-Пуле М. Ф. Николай Алексеевич Некрасов. Историко-литературный очерк / М. Ф. Де-Пуле // Русский вестник. – 1878. – № 5. – С. 326–346.

12. Де-Пуле М. Ф. Нигилизм как патологическое явление русской жизни / М. Ф. Де-Пуле. – М. : Универс. типография, 1881. – 53 с.

*Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Санкт-Петербург*

*Котов А. Э., кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии*

*E-mail: akotov@inbox.ru*

*Тел.: 8-812-748-96-51*

*Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, St.-Petersburg*

*Kotov A. E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History, Political Science and Sociology Department*

*E-mail: akotov@inbox.ru*

*Tel.: 8-812-748-96-51*